

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ИСТОЧНИКА МОСКОВСКОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА 1480 г.

Текст Московского летописного свода 1480 г. за период XII—первая половина XIV в. содержит известия особого северо-восточного памятника. Разложение свода 1480 г. на его источники: Софийскую I, Новгородскую IV, Лаврентьевскую, Троицкую, Суздальскую летописи, Южный источник («Киевскую летопись»), и позволяет выделить этот памятник. Состав последнего за XII и начало XIII в. близок к Радзивилловской летописи. Его текст XIII в. содержит значительное число оригинальных известий, посвященных Владимиро-Суздальской земле. Известия источника конца XIII и начала XIV в. относятся также к северо-востоку Руси, преимущественно к Москве. Большинство сообщений совершенно неизвестны другим летописям. Анализ Синодального списка Новгородской I летописи, где читаются известия, аналогичные северо-восточному источнику свода 1480 г., подтверждает самостоятельное существование реконструированного источника и датирует его окончание приблизительно 1330 г.¹

Рассмотрим вопрос о происхождении северо-восточного памятника. А. А. Шахматов указывал, что комплекс известий до 30-х годов XIII в. попал в Московский летописный свод 1480 г. из Ростовского владычного свода епископа Ефрема 1425—1453 гг.² Подобной концепции придерживался и М. Д. Приселков.³ Использование ростовских памятников рядом других летописей позволяет проверить это построение и дать ответ на вопрос о происхождении интересующего нас источника. Исследуя состав новгородского свода 1448 г., отраженного в Софийской I и Новгородской IV летописях, А. А. Шахматов пришел к выводу, что в этом памятнике, помимо Ростовского владычного свода и Полихрона 1423 г., отразился нов-

¹ А. А. Шахматов полагал, что указанный источник заканчивался 30-ми годами XIII в.; см.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 272.

² Там же, стр. 272—274.

³ М. Д. Приселков. История русского летописания X—XV вв. Л., 1940, стр. 182.

городский свод 1421 г. В основе последнего памятника лежит новгородская летопись, оконченная в 1421 г., которая если не идентична по своему составу, то весьма близка к Новгородской I летописи Комиссионного списка или, точнее, к их общему протографу. Кроме того, составитель новгородского свода заимствовал некоторые известия из другого древнейшего летописного памятника — Синодального списка Новгородской I летописи. Подобное построение А. А. Шахматова вытекало из несомненной близости обоих памятников. Он писал: «Эта близость должна послужить одним из руководящих начал при восстановлении свода 1421 года или, точнее, при разложении свода 1448 года на оба его первоисточника, какowymi, согласно предыдущему, были: во-первых, общерусский свод (Полихрон 1423 г., — Ю. Л.), во-вторых, новгородский свод 1421 г.».⁴ Следовательно, если из состава свода 1448 г. выделить Новгородскую I летопись Комиссионного списка и Новгородскую I Синодального списка, то можно будет определить известия Полихрона 1423 г. и Ростовского владычного свода, в составе которого, по мнению А. А. Шахматова, северо-восточный источник попал в Московский летописный свод 1480 г. С этой целью необходимо произвести анализ Софийской I и Новгородской IV летописей — памятников, в которых отразился новгородский свод 1448 г. Из их текста XII—начала XIV в. выделим известия южной летописи и летописи, близкой к Суздальской по Московскому академическому списку.⁵ Последние также являются источниками Новгородской IV и Софийской I. Оставшийся комплекс сообщений необходимо сравнить с тем северо-восточным памятником, который определен в составе Московского летописного свода 1480 г. Это позволит точно определить происхождение интересующего нас источника.

Рассмотрим состав Новгородской IV летописи за время от 50-х годов XII в. до 30-х годов XIV в., ибо именно этим периодом ограничивается изложение северо-восточного источника Московского летописного свода 1480 г. При анализе новгородского памятника обнаруживаем, что он содержит целый ряд статей и сообщений Комиссионного и Синодального списков Новгородской I летописи, «Киевской летописи», близкой к Ипатьевской, Суздальской, Лаврентьевско-Троицкого источника (Полихрона XV в.) и, наконец, не отмеченных А. А. Шахматовым псковских известий. Помимо сообщений указанных источников в Новгородской IV летописи содержатся следующие «лишние» известия: сообщение 1152 г. о градостроительной деятельности Юрия Долгорукого; известие 1154 г. о рождении Всеволода Юрьевича; фраза «И бысть число на всю землю Рускую царства Батыева в 21 лето» в сообщении 1258 г.; в известии 1273 г. фраза: «Бысть число 2-е из Орды от царя»; в сообщении 1288 г. к словам «Преставися Игнатей» до-

⁴ А. А. Шахматов, *Обозрение русских летописных сводов...*, стр. 156.

⁵ Там же, стр. 212, 213, 224.

бавлено «великий чудотворец»; известие 1305 г. содержит лишний фрагмент от слов «Михайлова княжения...» до слов «...изби вечников»; известия 1315 г. о том, что князь Юрий «приеха в Ростов», что этот город пострадал при набегах татар и новгородские бояре пришли на переговоры в Торжек «бес черных людей»; в сообщении 1316 г. фраза «много зла сотвори в Ростове»; в известии 1318 г. фраза «ноября 22, княжив 14 лет»; в сообщении 1325 г. слова «а княжил Юрьи 3 лета»; известие 1327 г. о строительстве церкви св. Богородицы на Десятине.⁶ Отметим, что все эти известия и фрагменты не имеют ни малейшего сходства с северо-восточным источником Московского летописного свода 1480 г. Часть указанных дополнений непосредственно касается событий в Ростовской земле (сообщения 1152, 1154, 1288, 1315, 1316 гг., возможно и 1327 г.). Видимо, эти известия и являются результатом ростовской редакции (Ростовского владычного свода архиепископа Ефрема, по определению А. А. Шахматова).

Новгородская IV не использовала, как известно, непосредственно северо-восточные летописи, а включила в свой состав источник, общий с Суздальской летописью, и источник, близкий к Лаврентьевской и Троицкой. Этим и надо объяснить некоторые разночтения, сокращения и дополнения текста новгородского памятника при сравнении с летописями, по которым была произведена сверка.

Подводя общие итоги анализа, необходимо прийти к выводу, что ни Новгородской IV, ни ее источникам не был известен северо-восточный памятник, который содержит свод 1480 г. Это позволяет заключить, что Ростовский владычный свод архиепископа Ефрема (1427—1453 гг.), использованный, по мнению А. А. Шахматова, Новгородской IV летописью, также не содержал северо-восточного источника.

Новгородский свод 1448 г. отразился не только в Новгородской IV летописи, но и в Софийской I, составленной не ранее 1448, но не позднее 1462 г. Последняя летопись, как отмечал А. А. Шахматов, использовала также Ростовский владычный свод, но не редакции Ефрема, как Новгородская IV, а другой, совершенный при епископе Григории (1396—1416 гг.).⁷ Следовательно, можно, просмотрев состав Софийской I, установить, содержат ли ее источники и в первую очередь Ростовский владычный свод тот северо-восточный памятник, который находится в Московском летописном своде 1480 г. Использование свода 1448 г. Софийской I и Новгородской IV позволяет утверждать, что состав новгородских летописей основывается на одних и тех же источниках. Действительно, Софийская I содержит сообщения Комиссионного, Синодального списка и южного источника. Она дает также сообщения

⁶ ПСРЛ, т. IV, стр. 153, 232, 243, 244, 253, 256, 257, 260.

⁷ А. А. Шахматов. Обзорные русские летописные своды..., стр. 149, 160, 213, 215, 225, и др.

источника, общего с Суздальской летописью, сообщения памятника, близкого с Лаврентьевской и Троицкой летописями, и, наконец, псковские известия. Ни один из перечисленных источников Софийской I летописи не имеет северо-восточных сообщений свода 1480 г. Новгородская летопись содержит также следующие известия, которые не находят себе параллелей в тех памятниках, которые были использованы Софийской I: сообщение 1152 г. о строительстве Юрием Долгоруком городов в Суздальской земле (в списке Оболенского Софийской I летописи пропущено); сообщения 1157 г. о рождении Всеволода Юрьевича и о строительстве города Дмитрова; несколько отличен по своей редакции от аналогичных фрагментов отрывок, посвященный смерти великого князя Всеволода в 1212 г.; обширное повествование 1245 г. об убиении Михаила Черниговского; в сообщении 1282 г. о смерти епископа ростовского Игнатия прибавлены слова «великий чудотворец»; известие 1305 г. о восстании «черных людей» в Нижнем Новгороде; большой рассказ 1319 г. о смерти Михаила Тверского.⁸ Как видим, и эти известия, сходные с аналогичными отрывками Новгородской IV летописи, не совпадают с северо-восточными сообщениями Московского свода 1480 г. и, следовательно, можно сделать вывод, что ни один из источников Софийской I летописи, в том числе и Ростовский владычный свод епископа Григория, не знает памятника, обнаруженного нами в составе Московского летописного свода 1480 г.⁹ Итак, ни Новгородская IV, ни Софийская I, ни Новгородский свод 1448 г. интересующего нас северо-восточного источника не знали. Когда же он попал в состав Московского летописного свода? Видимо, только анализ памятников московского летописания может дать ответ на этот вопрос.

Необходимо прежде всего вкратце рассмотреть состав Никаноровской летописи. Как было указано А. А. Шахматовым, этот памятник сохранил Московский свод 1472 г., предшествующий своду 1480 г. Действительно, Никаноровская летопись, помимо Софийской I старшей и младшей редакций, содержит на всем своем протяжении известия, близкие к сообщениям Московского летописного свода 1480 г. Однако при анализе состава летописи в Никаноровской не обнаруживается известий северо-восточного памятника, так же как южного, близкого к Ипатьевской, находящихся в Московском своде 1480 г. Следовательно, ни сама Никаноровская летопись, ни ее источники не использовали указанных памятников. Тем самым надо полагать, что и Московский летописный свод 1472 г. не знал северо-восточного источника свода 1480 г. Все это заставляет предположить, что северо-восточный источник был привлечен Московским сводом 1480 г. непосредственно. Последнее

⁸ ПСРЛ, т. V, вып. 1, стр. 165 (примеч.), 166, 192, 230—235; т. VI, стр. 201, 202, 204, 207—215.

⁹ Эти выводы распространяются на Софийскую I летопись и старшей, и младшей редакций.

предположение подтверждается и структурой сокращенных летописных сводов 1493 и 1495 гг. Рассмотрение состава этих памятников приводит к выводу, что в их основу положен Московский свод 1480 г. Это удастся установить, несмотря на значительные сокращения текста XII—XIV вв. поздних московских сводов.¹⁰ Известия 50—80-х годов XV в. всех трех сводов в основном совпадают. Подобную близость текстов наблюдаем и в тексте более раннего периода. Несмотря на сокращения известий, московские своды 90-х годов XV в. дают ряд сообщений и чтений, характерных только лишь для свода 1480 г. Последний заимствовал их, как было установлено выше, из своего северо-восточного источника. Эти сообщения отсутствуют в других источниках свода 1480 г. — в северо-восточных и новгородских летописях. Например, в известии 20-х годов XIV в. о смерти митрополита Петра своды 1493 и 1495 гг. указывают, что это событие произошло «в 3 час нощи» в Московском своде 1480 г. находим: «...в нощи той». Троицкая Софийская I, Новгородская IV, а также и Никаноровская летописи этой подробности не знают. В известии 1327 г. Московского свода 1480 г. есть фраза, которой нет в указанных выше летописях «...князь Александр Васильевич Суздальский с предреченными князи Татарскими по повелению цареву поидоша». Характерно, что своды 1493 и 1495 гг. также упоминают о суздальском князе, но путают его имя и отчество, называя его Василием Александровичем. Видимо, в протографе сводов имя указывалось правильно так как буквально через две статьи памятники сообщают о смерти Александра Васильевича Суздальского. Известие 1330 г. Московского свода 1480 г. сообщает, что князь Иван Данилович заложил храм «во имя Преображения». В сводах 90-х годов XV в. эта церковь также названа Спаса Преображения.¹¹ Настоящие примеры показывают, что своды 1493 и 1495 гг. знали северо-восточный источник, использованный ими посредством Московского свода 1480 г.

Приведенный выше анализ новгородских и московских памятников позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, ни Ростовские владычные своды (Григория, Ефрема, возможно Василиана), ни Владимирский полихрон начала XV в., отраженный во всех исследованных летописях, ни Новгородский свод 1448 г. (Но

¹⁰ Так, вполне определенно, что статьи летописных сводов 1158, 1159, 1171, 1185, 1186 гг., и др., сокращающие аналогичные статьи свода 1480 г., имея своим источником Лаврентьевско-Троицкий памятник. Далее, весьма характерным является упоминание сводами 90-х годов XV в. в известии 20-х годов XIV в. о походе татар с Иваном Даниловичем на Тверь имени темника Федючука. Оно читается лишь в Троицкой летописи и могло быть заимствовано этими памятниками только через свод 1480 г. (ПСРЛ, т. XXVII, стр. 238, 323; с. ПСРЛ, т. XXV, стр. 168).

¹¹ Там же, т. XXV, стр. 168—169; т. XXVII, стр. 238—239. В новгородских летописях названа церковь Спаса, в Никаноровской этого известия вообще нет. См.: там же, т. IV, стр. 262; т. VI, стр. 218; т. XXVII, стр. 63.

городская IV, Софийская I старшей и младшей редакций), ни Московский свод 1472 г. северо-восточного источника не знали. Во-вторых, Московский летописный свод 1480 г. привлек северо-восточный памятник самостоятельно (а не из Ростовского свода Ефрема, как полагал А. А. Шахматов). Северо-восточный источник был использован непосредственно в период составления свода, т. е. в 1479—1480 гг., что подтверждается анализом сводов 1472, 1493 и 1495 гг.